

ОТЗЫВ

**на диссертацию Люлиной Анастасии Геннадьевны на тему:
«Тибетские институты власти и цинская система администрирования:
особенности взаимодействия (середина XVII — конец XVIII вв.)»,
представленной на соискание учетной степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 — Всеобщая история (Средние века)**

Целесообразно выделить следующие основные аспекты диссертации.

1. Актуальность избранной темы.

Традиционный (то есть до проведенных властями Китайской Народной Республики реформ на рубеже 50-х — 60-х гг. XX в.) Тибет представлял собой теократическую монархию с преобладанием религиозных институтов власти, которые в целостном виде сложились при Далай-ламе V (1617—1682 гг.). Именно с этими институтами пришлось взаимодействовать династии Цин начиная с середины XVII в. и вплоть до самой Синьхайской революции 1911 г. С ними же взаимодействовали и гоминьдановский Китай, а затем и китайские коммунисты. Без этого удержать Тибет в составе Китая властям этой великой державы вряд ли удалось бы.

В тибетских институтах власти выделяются две стороны: цивилизационная и формационная (социальная). Цивилизационная сторона представлена буддийской религией и основывающейся на ней культурой тибетцев. Социальная сторона представлена экономическим базисом и политической надстройкой тибетского общества — социально-экономической системой и политическим строем в Тибете. Обе эти стороны оказались на удивление устойчивыми и проявили способность к эффективному взаимодействию друг с другом. Мало того, уже после вхождения Тибета в орбиту сильного влияния Китая в конце XVIII в. эти институты через систему «чой-йон» оказывали определенное влияние на политический курс цинских императоров в отношении буддистов в империи.

После подавления Мартовского 1959 г. восстания в Тибете властям Китайской Народной Республики удалось ликвидировать старый феодальный социально-экономический строй и политическую систему в Тибете и в целом интегрировать этот важный для Китая район в хозяйственный и политический механизм КНР. Однако религиозный фактор сохраняет в Тибете свое прежнее значение основного стержня, определяющего сознание тибетцев. И с этим институтом тибетского общества современному руководству по-прежнему приходится взаимодействовать, как когда-то гоминьдановцам и династии Цин.

Поэтому выбранная Люлиной А.Г. тема является актуальной.

Ее актуальность определяется еще и большой ролью Тибета как в известном смысле мирового буддийского религиозного центра. Опыт взаимодействия цинской системы администрирования и тибетских институтов власти в прошлом мог бы быть весьма полезным практически любой стране, которой так или иначе, добровольно или в силу необходимости, при-

ходится заниматься выстраиванием политической линии в отношении сторонников буддизма. Особенно это касается стран, где есть достаточно внушительная буддийская диаспора тибетского толка. Сюда относятся и российские земли. Хотя буддизм в России традиционно по значимости занимает третье место после православия и ислама, он в прошлом (в том числе в лице ее институтов и структур, аналогичных таковым в традиционном Тибете) активно взаимодействовал с Российским государством и имеет большие заслуги перед Россией.

Хотелось бы также обратить внимание на повышение интереса к научному изучению Тибета с началом XXI в. Тон в этом задали китайские ученые. Если ранее изучение Тибета в КНР не приветствовалось, поскольку власти Китая считали тибетский вопрос проявлением происков антикитайских сил, стремящихся расчленить и ослабить (а, возможно, и уничтожить) Китай, то в наши дни официальный Пекин изменил свою точку зрения и содействует всестороннему изучению тибетской проблемы. Вслед за всплеском научного изучения тибетской проблемы в Китае подобные тенденции стали проявляться и в других странах. В данной ситуации было бы печально, если бы отечественная тибетология не проявляла здесь необходимой активности. К счастью, этого не происходит, о чем свидетельствует диссертация Люлиной А.Г. Изложенное в данном абзаце также свидетельствует в пользу актуальности избранной Люлиной А.Г. темы диссертации.

2. Новизна исследования и полученных результатов.

Отдельные аспекты взаимодействия тибетских традиционных институтов власти с цинской системой администрирования были объектом изучения в ряде научных работ отечественных и зарубежных исследователей. Однако целостного комплексного изучения эта проблема пока еще не получила ни в отечественной, ни в зарубежной исторической науке. Представленная Люлиной А.Г. диссертация является попыткой восполнить этот пробел. В этом состоит ее научная новизна.

Новым является также попытка Люлиной А.Г. несколько сместить центр внимания с политического на религиозный аспект в изучении тибето-китайских отношений в рассматриваемый период.

Люлиной А.Г., в частности, впервые сделано следующее: во-первых, проведен комплексный анализ специфики взаимодействия тибетских институтов власти и цинской системы администрирования в середине XVII — конце XVIII вв., при этом использовались как доступные, так и малоизвестные документы и материалы, источники на китайском языке, которые еще не привлекались к детальному изучению, либо не изучались с точки зрения заявленной темы; во-вторых, изучены события, приведшие к власти в Тибете в середине XVII в. Далай-ламу V и школу Гелуг, проанализированы причины, повлиявшие на формирование взаимодействия тибетских институтов власти и цинской системы администрирования, прежде всего, в религиозно-политическом аспекте, включая роль в этом процессе «чой-йон» и «чос-срид»; в-четвертых, раскрыта роль отдельных тибетских ин-

ституты власти, а также значение исторических событий в формировании патронажа и впоследствии протектората династии Цин над Тибетом.

Следует указать на то, что Люлиной А.Г. впервые в отечественной науке введены в научный оборот ряд источников, в том числе китайского происхождения. Ситуация здесь облегчилась тем, что власти Китая впервые за много лет сняли гриф секретности и закрытости со многих документов и материалов по тибетской проблематике и даже опубликовали немало из указанных выше документов (в том числе в «Собрании исторических материалов по истории Тибета» (Пекин, 1995), «Собрании документов по истории Тибета» (Пекин, 2006).

3. О методологии, принципах исследования, хронологических, территориальных рамках исследования, целях и задачах работы, ее структуре.

Методологией диссертации стали принципы историзма и научной объективности.

В работе применялись методы анализа, проблемно-тематический, логический, сравнительный методы, методы периодизации и контент-анализа, структурно-функциональный метод.

Объект исследования диссертации — институты политической и религиозной власти в Тибете и связанные с ними элементы системы администрирования Цинской империи.

Предмет исследования — религиозно-политические и религиозно-этические аспекты взаимодействия тибетских и цинских институтов власти.

Хронологические рамки работы включают период с середины XVII в. (утверждение династии Цин на китайском престоле в 1644 г. и приход к власти Далай-ламы V в 1642 г.) до конца XVIII в. (окончание правления императора Цяньлуна (1736—1796 гг.)), когда тибетские институты власти интегрировались в цинскую систему администрирования.

Территориальные рамки исследования охватывают территорию Цинской империи и прежде всего Тибета. Не ограничиваясь этим, соискатель обращается к событиям, которые так или иначе влияли на описываемые им события и происходили на сопредельных с Тибетом и Китаем землях: в Монголии, Непале, Индии и на ряде других территорий.

Цель работы — охарактеризовать специфику тибетских институтов власти, сформировавшихся под влиянием цинской системы администрирования в изучаемый период, выявить преемственность и особенности в процессе их взаимодействия.

Задачи работы состоят в следующем: во-первых, проанализировать исторические события и процессы, которые повлияли на становление институтов Гелуг, в том числе Далай-ламы, и причины, определившие формирование тибето-цинских отношений; во-вторых, изучить особенности религиозно-политических связей Тибета и империи Цин и роль в этом Далай-лам и цинских императоров; в-третьих, выявить основные институты

и особенности тибетской системы управления, а также причины стремления Цинов к установлению контроля над этой системой; в-четвертых, определить роль и значение основных институтов цинского администрирования в Тибете в становлении протектората Китая над Тибетом; в-пятых, оценить результаты тибето-цинского взаимодействия.

Материал диссертации изложен, исходя из проблемно-хронологического принципа. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, двух приложений. Такая структура возражений не вызывает и дает возможность в полной мере достичь поставленных в работе целей и задач.

4. Степень обоснованности и достоверности каждого научного положения, выводов и заключений соискателя, сформированных в диссертации.

Положения, выносимые на защиту.

1. Религиозно-политический союз лидера школы тибетского буддизма Гелуг и монгольского правителя, заключенный в 1578 г. по принципу «чой-йон» («духовный наставник — светский покровитель»), способствовал появлению линии инкарнации высших тулку — Далай-лам, которые впоследствии стали духовными и светскими правителями Тибета. Далай-лама V Нгаван Гьяцо (1617—1682 гг.) создал Ганден Пходранг — Буддийское правительство Тибета, функционировавшее на основе единения религии и политики. Институт высших тулку, то есть Далай-ламы и Панчен-ламы, являясь ядром политической системы Тибета, стал первостепенным объектом внимания императоров Цин с начала правления маньчжурской династии.

Данное положение соискателя носит установочный характер, задает тон и системность всей работе и полностью обосновано, в том числе ссылками на источники, а также на труды отечественных и западных ученых.

2. Институты политической и религиозной власти в Тибете — Ганден Пходранг, институт тулку и Далай-ламы, а также принцип «чой-йон», определили специфику тибето-цинских отношений и направление деятельности цинской системы администрирования с середины XVII в. по конец XVIII в. С одной стороны, эти институты существенно ограничивали цинское влияние, переводя в религиозно-этический контекст межгосударственное взаимодействие и отношения между правителями, с другой — посредством влияния на эти институты и используя авторитет Далай-лам, Цины на протяжении изучаемого периода не только сдерживали монгольский мир от набегов на Китай, но и усиливали административный контроль в регионе.

Обоснованность данного тезиса возражений не вызывает. Он аргументирован материалами из «Сборника архивных документов и материалов по истории отношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времен правления династии Юань».

3. Принцип взаимоотношений правителей «духовный наставник — светский покровитель» («чой-йон»), являвшийся основой в системе взаимодействия институтов власти Тибета и Китая, представлял собой уникальный конструкт, сочетающий одновременно взаимное признание (политических интересов) сторон, и противоречие между буддийской этикой наставничества и конфуцианской дипломатической теорией, выражавшееся в вопросе статуса правителей по отношению друг к другу. Император Цяньлун в конце XVIII в. разрешил это противоречие в пользу превосходства императорской власти над духовным наставничеством Далай-ламы.

Данное положение отражает прежде всего процесс эволюции политического статуса Тибета от внешнего вассала Китая (фактически самостоятельного во внутренних и в основном во внешних делах) до вассала внутреннего, находящегося под сюзеренитетом Китая (с 1793 г.). Это положение полностью обосновано источниками из Сборника архивных документов и материалов по истории отношений между местными властями Тибета и Центральным правительством Китая со времен правления династии Юань, а также из Сборника исторических материалов со времен Цин. Все это китайские материалы. Автор также обосновывает свое положениями и иными китайскими источниками. Некоторые из них совсем недавно открыты китайскими властями для публичного доступа и опубликованы. Многие из которых введены автором впервые в научный оборот.

4. Основными элементами системы администрирования Цин в Тибете во второй половине XVIII в. являлись амбани и военные гарнизоны. Далай-ламы, Панчен-ламы, Гьялцабы (регенты-тулку, после 1757 г.), Совет министров (Кашаг), а также Йикцанг, являвшиеся исконно тибетскими институтами власти, развивались при поддержке Цинов. Отмеченные перемены позволяют определить положение Тибета и институтов власти в стране как находившихся под протекторатом Цинской династии. Введение в 1792 г. процедуры законодательного утверждения инкарнаций посредством жеребьевки с помощью «золотой вазы» обусловили трансформацию тибетских институтов власти. Дуальная система Ганден Пходранг сохранилась, однако Далай-лама теперь по управленческому рангу стал равен цинскому амбаню, а светская власть осуществлялась в основном Кашагом. Рост административного влияния и контроль института высших тулку со стороны императоров в конце XVIII в. определили переход Тибета из положения страны под патронажем в состояние цинского протектората.

Это положение аргументированно подтверждает предыдущее положение, детализируя его.

5. Политика династии Цин в Тибете на протяжении изучаемого периода не имела единой линии, как и не имела цели территориального включения региона в состав империи. Императоры Цин в зависимости от социально-политической обстановки в Тибете искусственно усиливали или ослабляли власть Далай-лам и светской аристократии. Характер участия Цинов в тибето-непальском конфликте 1788—1792 гг. показал, что

Тибет до войны находился в зоне влияния маньчжуров не более чем в целях поддержания спокойствия среди монгольских народов посредством религии. Тибет выполнял две основные функции в интересах империи: служил буфером при возможной внешней угрозе и способствовал умиротворению кочевников. Все важнейшие социальные и экономические сферы жизни страны находились за пределами маньчжурских интересов. Таким образом, цинского протектората по отношению к Тибету до конца XVIII в. не было, как и его территориальной включенности в состав империи.

Это очень важное положение. Оно показывает, что изначально Китай вовсе не стремился включить Тибет в состав своей государственной территории и тем более сделать это посредством силы (последнее настроило бы монголов против Китая). С точки зрения феодального права монгольские князья как наследники Чингисхана и династии Юань имели гораздо больше юридических прав на обладание Китаем, чем маньчжурская династия Цин. Поэтому для маньчжуров было крайне необходимо заручиться поддержкой буддийской церкви и Далай-лам в противодействии монгольским феодалам и в установлении контроля над Монголией. Ее, а не Тибет, Цины настойчиво и последовательно при поддержке буддийской церкви на протяжении XVII в. и особенно XVIII в. пытались включить в состав своей империи. И конце концов добились этого.

Что касается роли Тибета как барьера при возможной внешней угрозе, то это была типичная роль внешнего вассала согласно концепции универсальной монархии, которой традиционно придерживался Китай и влияние которой ощущается на внешней политике Китайской Народной Республики и поныне.

Обоснованность этого положения соискатель подтверждает источником материалом китайского (в том числе в русских переводах), а также тибетского происхождения. Это материалы из «Хроники великих деяний амбаней в Тибете в период правления династии Цин», составленная Хэ Вэньсюанем, из «Избранных документов по истории Тибета цинского периода», и иные источники.

6. Рассмотрение основных характеристик патронажа династии Цин над Тибетом и тибетским буддизмом до конца XVIII в. позволяет заключить, что цинский Китай и Тибет по-разному видели суть политических отношений: для Тибета патронаж Цин над религией и взаимопомощь в управлении означали не вопрос суверенитета, а осуществление традиционной схемы «лама-милостынедатель», которая позволяла решать все вопросы в религиозной плоскости. Для Цинов воздействие на аппарат управления через контроль над системой перерождений означали расширение сферы влияния в регионе.

Обоснованность этого положения подтверждается событиями XX столетия, когда после Синьхайской революции 1911 г. Тибет решил выйти из состава Китая. Ведь для тибетских верхов вхождение их страны в со-

став империи Цин базировалось на факторе личностного характера — взаимоотношениях китайского императора и Далай-ламы по схеме «лама-милостынедатель». Падение монархии в Китае в результате Синьхайской революции 1911 г. означало выпадение из этой схемы звена «милостынедатель», каковым был цинский император. А это давало тибетским властителям законное юридическое основание (в их понимании) для выхода из состава Китая. Наоборот, Китай считал, что его права в Тибете являются суверенными, поэтому руководство Китайской Республики рассматривало действия тибетцев как сепаратизм и государственную измену. Эти подходы унаследовали тибетская эмиграция в Индии и руководство Китайской Народной Республики.

7. Переход Тибета из положения страны под патронажем Цин в положение цинского протектората в конце XVIII в. был отмечен не только ростом административного влияния, но и контролем института высших тулку со стороны императоров. Тем не менее, номинальный статус духовного главы Далай-ламы, как и Тибета в целом, оставался уникальным для империи Цин до конца ее существования. Принципы политического функционирования Ганден Пходранг были неразрывно связаны с тибетским буддизмом, ввиду чего они нередко оставались неясными цинским амбаням. Кроме того, языковой, бытовой, культурный и иные специфические особенности тибетского буддизма и управления в Тибете определили ориентацию амбаней в своих докладах в Пекин на мнения и решения местных представителей власти. Значительная часть реформ Цинов в системе Ганден Пходранг длительное время оставалась в виде законов, но без практического применения.

Это положение также полностью обосновано. Оно, кроме того, представляет собой научную новизну. До подготовки диссертации Люлиной А.Г. религиозный аспект тибетских институтов власти не был объектом специального изучения в отечественной исторической науке.

8. Взаимодействие тибетских институтов власти и цинской системы администрирования в период с середины XVII в. по конец XVIII в. представляло собой скорее взаимовыгодное сотрудничество, нежели прямое влияние и насаждение элементов цинского администрирования. Представители власти Цинов в Тибете в лице амбаней и регентов вынуждены были адаптироваться к условиям функционирования Ганден Пходранга ввиду его уникальной религиозной направленности, а также должны были учитывать особый статус Далай-ламы и Панчен-ламы.

Это положение вполне обосновано проанализированными Люлиной А.Г. источниками и показывает традиционное стремление Китая воздерживаться от какого-либо серьезного вмешательства во внутренние дела Тибета, если ситуация там не создает серьезную угрозу государственной безопасности Китая. Ситуация изменилась разве что в 60-е гг. XX в., когда руководство КНР провело в этом районе глубокие социально-экономические преобразования антифеодалного характера, поскольку ти-

бетские феодалы проявили себя сторонниками сепаратизма и сориентировались на враждебные Китаю внешние силы. С началом модернизации в Китае в конце XX в. Пекин все более и более стал возвращаться к прежней политике невмешательства в традиционный тибетский уклад, при этом однако отчасти корректируя этот подход ханьской колонизацией тибетских земель и усилением там своего военного присутствия.

Основные выводы диссертации в суммированном кратком виде состоят в следующем.

1. Маньчжурская династия Цин, завоевав Китай, переняла традиции монгольской династии Юань и китайской династии Мин в отношениях с Тибетом и другими пограничными народами и государствами: поддержание мирных отношений, данническая система и торговля, вручение дипломов и званий, и т.п.

2. Тибетский регион занимал особое место в сфере интересов маньчжуров, так как являлся ключом к их влиянию на кочевников Центральной Азии, исповедовавших буддизм.

3. Тибет номинально находился под патронажем империи Цин с середины XVII в. до конца XVIII в., когда фактически превратился в цинский протекторат. За этот период тибетская система управления под воздействием цинских институтов администрирования претерпела некоторые изменения.

4. Тибето-цинские отношения приобрели религиозно-этическую направленность со времени встречи Далай-ламы V и императора Шуньчжи в 1652 г., после чего маньчжуры продолжили монгольскую традицию установления особых отношений с тибетскими буддийскими лидерами по принципу «чой-йон». Необходимость этого религиозно-политического союза диктовалась также влиянием в Тибете школы тибетского буддизма Гелуг и ролью Великого Пятого Далай-ламы, ставшего теократическим правителем при поддержке Гуши-хана в 1642 г. Далай-лама закрепил диархичную систему управления в Тибете путем утверждения правительства Ганден Пходранг, которая основывалась на принципах Буддийского государства: единение религии и политики, что проявлялось прежде всего в положении монахов-чиновников, роли и значении тулку; культ религиозного лидера Далай-ламы — воплощения бодхисаттвы Авалокитешвары; принцип ненасильственного решения международных конфликтов посредством союзов «чой-йон» и др.

5. Тибетский буддизм, благодаря своему адаптивному характеру и миротворческому потенциалу, стал для тибетских лидеров и маньчжурских императоров средством привлечения, а для маньчжурских императоров — и средством умиротворения, монгольских народов. Далай-ламы приобрели статус наставников учения и посредников между враждующими странами и их правителями, маньчжуры же использовали буддизм также как средство самоидентификации и легитимации своей власти в многонациональной империи.

6. Основными проводниками цинского влияния в Тибете стали амбани и институт тулку (в лице Далай-лам, Панчен-лам, и регентов), причем Далай-ламам была выделена особая роль, так как они представляли основу тибетской структуры власти.

7. Цины воспользовались авторитетом Далай-ламы после джунгарского вторжения 1717—1719 гг., остановленного объединенными маньчжуро-тибето-монгольскими войсками, для укрепления в регионе своих позиций. Возведение на тибетский престол Далай-ламы VII Кэлсаг Гьяцо в 1720 г. позволило Цинам оставить в Тибете значительную военную силу, а также произвести ряд изменений в системе управления: ликвидировать Гандэн Пходранг, существовавший со времени Далай-ламы V, и заменить ведомство дэсрида на Совет министров Кашаг, который управлял Тибетом при поддержке цинского гарнизона в Лхасе. Тесные связи с тибетскими ламами позволили Цинам впоследствии приблизиться к ядру тибетской системы религиозного правления — институту идентификации тулку, что сыграло главную роль в процессе подчинения Страны Снегов.

8. Прибытие в Лхасу в 1727 г. постоянных цинских резидентов для помощи Кашагу не способствовало позитивным переменам в управлении страной, поскольку раскол, случившийся вскоре в Совете министров, привел к Гражданской войне.

9. Институт амбаней, усиленный военным присутствием империи Цин, позволял косвенно контролировать внутритибетские события, однако реальной властью не обладал до середины XVIII в. Решения, принятые императором Цяньлуном после мятежа в Лхасе в 1750 г. в отношении тибетской системы управления — сокращение власти тибетской аристократии, прекращение деполитизации функций Далай-ламы, расширение обязанностей и прав амбаней — демонстрируют не только возросший интерес цинского двора к ситуации в Тибете, но и желание найти эффективные управленческие решения в специфических механизмах местных институтов власти. Таким образом, Ганден Пходранг был восстановлен в своей дуальной форме, при этом Кашаг и министерства являлись соответственно законодательной и исполнительной ветвями светской власти, а Далай-лама и подчиненный ему Йикцанг представляли автономную духовную ветвь. Амбани являлись посредниками между императором и Ганден Пходрангом. При Далай-ламе VII Кэлсаг Гьяцо были официально утверждены и усовершенствованы основные тибетские институты власти, учрежденные при Далай-ламе V (Кашаг, Йикцанг, Цзиканг).

10. Военно-политическая кампания против гуркхов 1788—1792 гг. выявила неспособность тибетских руководителей и институтов власти выполнить важные для Китая функции: контролировать границы Тибета, чтобы его территория служила буфером при потенциальных внешних угрозах, и оказывать поддержку империи Цин в умиротворении буддийских народов посредством своего авторитета. По мнению императора, случившееся стало следствием неэффективности системы управления, коррумпиро-

ванности Кашага и амбаней, а также злоупотреблений различных тулку своим статусом. Реформы, предпринятые Цяньлуном в отношении тибетских институтов власти, носили кардинальный характер, и наиболее существенно они проявились в организации контроля над системой поиска и выявления инкарнаций высших тулку.

11. Нововведения запрещали поиск инкарнаций в кругу родственников и в самой семье прежней инкарнации, а при наличии нескольких кандидатов в тулку была введена жеребьевка из «золотой вазы», в процедуре которой важную роль играли амбани. Они получили широкие полномочия, фактически сравнявшие их в управленческой части с Далай-ламой и Панчен-ламой.

12. Ключевыми особенностями взаимодействия тибетских институтов власти и цинской системы администрирования в регионе в период с середины XVII в. по конец XVIII в. являются: во-первых, взаимовыгодный религиозно-политический союз лидеров школы Гелуг и императора династии Цин на начальных этапах отношений между ними, который позволял каждой стороне самоутвердиться и легитимировать свою власть; во-вторых, использование цинскими императорами принципов Буддийского правительства (дуальность власти, союз «чой-йон») и авторитета Далай-лам и Панчен-лам для умиротворения монгольских народов; в-третьих, использование покровительства Цинов тибетской аристократией и Далай-ламами для решения внутренних и внешних конфликтов; в-четвертых, устойчивость, консерватизм и религиозная специфика тибетских институтов власти (Кашаг, Цзиканг, Цонду и др.) позволили смягчить их администрирование Цинами вплоть до конца XVIII в.; в-пятых, цинская реструктуризация аппарата управления в Тибете в зависимости от внутривластных обстоятельств: создание ведомства постоянных цинских резидентов (амбаней), разделение светской и духовной власти и их повторное последующее объединение под главенством Далай-ламы, создание регулярной тибетской армии и постоянного правительства; в-шестых, утверждение Цинами своего протектората в Тибете в конце XVIII в., прежде всего, посредством контроля института тулку, а также передачи важных контрольно-управленческих функций амбаням; в-седьмых, постепенная интеграция Тибета в состав империи Цин.

Все эти выводы являются логическим развитием основных положений диссертации, обоснованы теми же аргументами и источниками, что и основные положения, и возражений не вызывают.

5. Значимость для науки и практики выводов и рекомендаций диссертанта.

Значимость для науки диссертации Люлиной А.Г. состоит в следующем.

Во-первых, исследование представляет собой первое в отечественной науке целостное и комплексное изучение взаимодействия тибетских институтов власти и цинской системы администрирования. Оно может стать

отправной точкой для изучения вопросов, которые являются логическим продолжением избранной соискателем темы.

Во-вторых, выводы соискателя могут послужить определенным ориентиром при изучении различных вопросов развития как Тибета, так и Китая в целом, а также ситуации в ламаистском и буддийском мире.

В-третьих, представленная к защите диссертация интересна для специалистов по религиоведению, поскольку затрагивает вопросы взаимодействия институтов государственной власти с чисто религиозными структурами.

Значимость для практики диссертации Люлиной А.Г. состоит в следующем.

Во-первых, диссертация раскрывает взаимодействие государственных структур Китая с религиозными институтами ламаизма в прошлом. Это позволяет составить определенный прогноз относительно возможных форм и методов взаимодействия органов власти и управления Китайской Народной Республики с ламаистской церковью, вернее, с ее нынешними институтами управления, сформированных по законам КНР.

Во-вторых, представленная диссертация дает неплохой материал для размышления о том, как прошлый китайский опыт (пусть и феодальный) взаимодействия власти и религиозных структур можно использовать применительно к современной ситуации на территориях, составлявших некогда Российскую империю.

6. О недостатках работы.

Наряду с достоинствами работа Люлиной А.Г. содержит ряд недостатков.

1. Диссертация базируется на принципах научной объективности и историзма. Это правильно. Но об этом следовало прямо сказать во Введении.

2. Статус Тибета до 1793 г. автор характеризует как патронаж китайского императора над Далай-ламой. Точнее было бы сказать, что это означало положение Тибета как внешнего вассала Китая в рамках концепции универсальной монархии.

3. Политический статус Тибета с 1793 г. автор характеризует как статус протектората в составе Китая. Здесь полезно было бы уточнить, что под протекторатом следует понимать сюзеренитет Китая над Тибетом как над внутренним вассальным государством.

4. В содержании в главах и параграфах желательно было бы указать их хронологические рамки, тем более что работа строится по проблемно-хронологическому принципу.

5. В работе содержатся опечатки, хотя их немного.

7. Соответствие работы требованиям, предъявляемым к диссертациям.

Все указанные выше недостатки не умаляют значения работы и не оказывают влияния на общее положительное впечатление о ней. Люлина

А.Г. представила вполне самостоятельное авторское исследование, соответствующее всем требованиям, предъявляемым Высшей Аттестационной Комиссией Российской Федерации к кандидатским диссертациям. Исходя из этого, автор заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 — Всеобщая история (Средние века).

Официальный оппонент
доктор исторических наук
(специальность 07.00.03),
доцент, профессор кафедры
зарубежного регионоведения и
дипломатии
Факультета истории,
социологии и
международных
отношений
ФГБОУ ВО
«Кубанский государственный
университет»

Анатолий Сергеевич Клинов

19.09.2017 г.

Почтовый адрес организации: 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Тел. сотовый: 8 (961) 526-77-13
e-mail: newlegend2010@yandex.ru

19.09.2017г